

О.И. Бруси́на. Славяне в Средней Азии. Этнические и социальные процессы. Конец XIX – конец XX века. М., 2001. 240 с.

В основе книги О.И. Брусиной лежит ставшее ныне, увы, редкостью комплексное этнографическое исследование русско-украинского старожильского сельского населения Средней Азии – южных окраин Ферганской долины (в пределах современной Киргизии и Узбекистана) и предгорных равнин, лежащих к западу и северу от гор Тянь-Шаня (Узбекистан и Южный Казахстан).¹ Выполненная в первую очередь на основе авторских полевых материалов (наблюдений и интервью 1980-х годов), а также архивных источников и похозяйственных книг из обследованных сельсоветов, эта монография – удачный пример классического для нашей науки жанра, который, однако, органично и весомо дополнен актуальными сюжетами из сферы этносоциологии и этнопсихологии межэтнических отношений.

Благодаря серии публикаций О.И. Брусиной в журнале «Советская этнография» – «Этнографическое обозрение» и в ряде тематических сборников, вышедших в свет в 1990-е годы, ее имя, несомненно, уже хорошо известно специалистам по Средней Азии, изучающим восточнославянское население, межэтнические отношения и этноизбирательные миграции в регионе в XX в. Рецензируемая книга обобщает и существенно дополняет предшествовавшие публикации – перед нами достойное завершение очень интересного и глубокого многолетнего исследования.

Монография, помимо введения, заключения и приложений, состоит из трех примерно равновеликих частей или глав, каждая из которых в свою очередь разбита на десяток и более разделов и подразделов. При этом практически любой раздел содержит как фактическую информацию, так и ее анализ и соответствующие выводы и обобщения. Но, к сожалению, в краткой рецензии в принципе невозможно отразить все богатство конкретного этнографического материала, собранного автором этой книги. Поэтому далее придется говорить в основном о выводах и предположениях О.И. Брусиной, тем самым невольно создавая несколько искаженную картину рецензируемой работы как некоего преимущественно теоретизированного исследования. Так что необходимо вновь подчеркнуть, что все построения автора покоятся на весьма солидном основании из конкретных сведений и наблюдений, причем похоже, что сама О.И. Брусина видела свою задачу прежде всего в сборе, систематизации и первичном обобщении этнографических данных.

Введение содержит ланидарную констатацию авторской точки зрения на такие ключевые понятия, как этничность, этнические процессы и межэтнические отношения (с. 7–8). Пожалуй, это единственная часть работы, где с О.И. Брусиной можно было бы поспорить из-за излишне расширительной, как кажется, трактовки ею «этнических процессов» как всех тех процессов, «...которые имеют свою специфику у контактирующих этнических групп, находящихся в схожих условиях развития». Правда, подобный подход позволил ей дать действительно комплексную и объемную характеристику изменений во всех областях культуры, где наблюдаются отличия изучаемой группы от соседних народов. По поводу этих же страниц нельзя также не сказать очевидное критическое замечание – детальный и убедительный анализ сложных процессов формирования локальной этнической идентичности «русских старожилов», представленный в монографии, требует, на мой взгляд, гораздо более подробного изложения представлений автора о самом феномене «этничности». Безусловно, книга наглядно свидетельствует, что О.И. Брусиной есть что сказать по существу этого центрального для этнологии вопроса.

Во введении также обращает на себя внимание детальный обзор библиографии (с. 8–18; список использованных публикаций занимает с. 197–213). Интересна и авторская периодизация идеологических оценок переселения русских и украинских крестьян в Среднюю Азию, преваляровавших в литературных источниках соответствующего времени: а) сдержанная и скорее ограничивающая переселения (1860-е годы – 1905 г.); б) поощряющая переселения и положительная (1905 – середина 1920-х годов); в) резко негативная «антиколониальная» (середина 1920-х – начало 1940-х годов); г) нейтрально-позитивная (1940-е – 1980-е годы). Следует отметить, что из опубликованных источников О.И. Брусина широко использовала статистические материалы и обследования переселенческих хозяйств начала XX в., периоду того времени, а среди этнографов она заслуженно выделяет и часто цитирует для сопоставления работы Т.В. Станюкович, написанные по материалам экспедиций в старожильские селения еще в конце 1940-х годов.

Первая глава посвящена истории формирования старожильского сельского украинского и русского

населения региона и государственной переселенческой политике начала XX в., экономической специализации переселенческих сел до коллективизации и в 1980-е годы, событиям гражданской войны и коллективизации и их влиянию на хозяйство переселенцев, этнодемографическим процессам и факторам изменения этнического состава жителей этих селений (особенно начиная с коллективизации), феномену ускоренной социокультурной урбанизации русских старожилов и причинам их миграций в города Средней Азии и других регионов, процессу и факторам массового выезда русских из сельской местности накануне и после распада СССР. Стоит подчеркнуть, что О.И. Брусина справедливо рассматривает урбанизацию в широком смысле этого понятия, т.е. как процесс перехода к «городскому образу жизни» и формирования соответствующего социально-профессионального состава, который может охватывать и сельское население, выражаясь в отходе значительной его части от занятости непосредственно в сельскохозяйственном производстве и в сокращении роли приусадебного хозяйства в обеспечении семьи. Именно это имело место у русских жителей старожильческих селений Средней Азии в 1970-е – 1980-е годы (с. 60–66), что, естественно, сопровождалось их ускоренной миграцией в города и промышленные центры, одновременно стимулируя приток в колхозы переселенческих сел коренного населения для работы в хлопководстве и других отраслях сельского хозяйства. Кстати, в другой главе (с. 180–181) автор приводит очень интересное описание и объяснение сформировавшихся на этой почве у русских старожилов и узбеков негативных стереотипов взаимного восприятия трудовых качеств друг друга, связанных с отмеченными различиями в профессиональной ориентации.

Особое внимание автор последовательно уделяет социо-нормативным аспектам культуры, механизмам самоуправления и регулирования доступа к ресурсам самого разного рода – от земельных и водных до властных позиций, образования и высокооплачиваемых должностей. Поэтому и в первой части она детально анализирует системы (само)управления в переселенческих селениях до и после революции 1917 г. и гражданской войны, их намеренное разрушение при коллективизации, а также те изменения во властных отношениях, которые стали заметны в 1970–1980-е годы в связи с быстрым ростом численности коренных народов региона и увеличением среди них доли лиц с высшим образованием. В частности, именно в формировании и расширении реальных социальных функций традиционного института среднеазиатских народов – соседской общины *махалли* – в старожильческих селениях в 1970-е годы, когда там уже абсолютно преобладали представители коренных народов региона, автор обоснованно видит основную причину окончательного отчуждения оставшихся в селах русских, которые вследствие своих культурных традиций не могли и не хотели «вписаться» в деятельность этого основанного на коллективистских принципах и мусульманских обычайноправовых нормах органа самоуправления (с. 67–69).

Оценивая политику царского правительства в период поощрения им крестьянской колонизации Средней Азии, автор обоснованно подчеркивает, что это происходило еще до начала демографического взрыва в регионе и земли для переселенцев выделялись в основном за счет изъятия части настибц у кочевников. Добавлю, что последнее было типичным для политики всех европейских держав, до середины – второй половины XX в., как правило, не признававших традиционные права на землю за несоседскими группами населения. Но в Средней Азии русская администрация при организации переселенческих селений умело использовала и одно из основных правил шариата, согласно которому земля принадлежит тому, кто ее оросил и возделал. Поэтому на переселенческие участки проводились новые оросительные каналы, которые к тому же строили в основном рабочие из внутренних губерний Империи (с. 21–23, 25).

Резюмируя дореволюционную переселенческую политику в Средней Азии, О.И. Брусина считает возможным выделить три ее базовых принципа: 1) обеспечение полной социально-политической автономности переселенцев от коренного населения (собственные системы общинного самоуправления и управления через отдельные «русские» волости, обязательное вооружение переселенцев и законодательный запрет для представителей коренных народов на проживание в переселенческих селах); 2) обеспечение экономической самодостаточности переселенческих сел (за счет адекватного обеспечения землей и водой, транспортной доступности, наличия собственных мельниц, кузниц, лавок и т.п.); 3) всяческое ограничение контактов с коренными народами (с. 32–36, 187–188). Как показали события в годы гражданской войны и борьбы с басмачами, воплощение в жизнь первых двух принципов позволило создать устойчивые и жизнеспособные сообщества переселенцев, но только благодаря повсеместному нарушению третьего принципа в виде установления разветвленных и активных экономических контактов и личных связей между переселенцами и их соседями старожильческие украинско-русские села смогли сохраниться в бурные 1920-е годы.

Вторая глава содержит описание хозяйства и материальной культуры, религиозной практики, календарных обрядов и обычаев, связанных с основными этапами жизненного цикла, в разные периоды истории

переселенцев и их потомков, равно как и анализ причин изменений в этих областях культуры, происходивших на протяжении более чем столетия. Особое своеобразие и интерес всем разделам этой части придает тот факт, что первоначально население переселенческих сел не было однородным в культурном, этническом и конфессиональном отношении – оно складывалось из украинцев и русских (причем выходцев из разных губерний), православных и молокан, баптистов.

Автор оправданно различает и параллельно рассматривает три шедших одновременно процесса – адаптивные изменения культуры переселенцев (реакция на новые природные и социо-культурные условия жизни), взаимодействие и последующий синтез русских и украинских культурных традиций (вследствие совместного заселения одного села или проживания в близлежащих селениях), культурное влияние коренных народов и заимствования у них в хозяйственной практике или пище (из-за экономического сотрудничества и установления личных дружеских отношений по типу кавказского куначества). Как один из примеров, хочется отметить тонкое наблюдение О.И. Брусиной, что сохранение некоторых обычаев у переселенцев и их потомков (взаимопомощь при строительстве дома, разламывание или разрезание хлеба в знак согласия при сватовстве) не в последнюю очередь объясняется наличием хорошо им известных близких аналогов в культуре соседей-узбеков (с. 118, 124).

Данная часть монографии является, на мой взгляд, главной по значению для выполненного О.И. Брусиной исследования, так как здесь автор, опираясь на описание и анализ культурных изменений, выходит на проблему формирования единой новой локальной этнокультурной общности – русских старожилов с их особым самосознанием и в целом позитивным авторстеротипом своей группы. Иными словами, от анализа объективных изменений в культуре переселенцев и их потомков и различных форм контактов старожилов с коренными среднесазиатскими народами автор переходит к объяснению процессов зарождения и развития особой этнокультурной идентичности этой локальной группы. В связи с этим также рассматриваются процессы языковых изменений, в итоге приведшие к практическому исчезновению в быту старожилов украинского языка, хотя в песенном репертуаре продолжали преобладать именно украинские песни (с. 126–127). В целом ряде случаев автор также отмечает, что «русскими» старожилами в итоге стали считать многие культурные традиции, в действительности пришедшие из украинской культуры – например, такое произошло с очень многими элементами свадебного обряда (хождением «к теще на блины» или «воровать кур» утром или на второй день после свадьбы – с. 120–121).

Все эти сюжеты имеют самое прямое отношение к познанию феномена этничности и процесса рождения единого нового (суб)этнического самосознания в группе населения, изначально неоднородного по своему этническому и культурному составу. Так что всем тем, кто интересуется теорией этноса и методологическими проблемами этнологии, стоит посоветовать обратиться к этим насыщенным этнографическими материалами разделам монографии О.И. Брусиной.

Третья часть книги повествует о межэтнических отношениях, с конца XIX и до конца XX в. связывавших русско-украинское население старожильческих селений с коренными народами Средней Азии, включая хозяйственную кооперацию и торговые связи, соседские и дружеские контакты, культурное и языковое взаимное влияние, участие в традиционных обрядах и ритуалах соседнего народа (включая религиозные праздники), смешанные браки. Вновь от описания и анализа многообразных конкретных фактов межкультурного взаимодействия автор переходит к теоретически очень важным проблемам формирования и исторической динамики особой культуры межэтнических отношений между русскими и среднесазиатскими народами в полиэтничных старожильческих селениях, а также стереотипов взаимного восприятия ими друг друга, теснейшим образом связанных с характером этих отношений.

Любопытно и, как кажется, не противоречит фактам и логике концепция О.И. Брусиной о первоначально «симбиотическом» (взаимовыгодном и стабильном) характере контактов старожилов и коренных жителей региона, ибо до коллективизации их связи складывались и укреплялись естественным образом в силу прежде всего экономической заинтересованности обеих сторон и при этом не предполагали, за редкими исключениями, постоянного совместного проживания в рамках одного села и единой системы самоуправления (с. 138–142). Однако когда произошло искусственное «перемешивание» населения в объединенных колхозах и массовое вселение лиц коренных национальностей в старожильческие села, эти связи переросли в «конкурентные», и отражавшие их этнические стереотипы ухудшились при сохранении, однако, в большинстве случаев неплохих межличностных отношений между знакомыми людьми разных национальностей (с. 186, 189–190).

Вообще хочется отметить удивительную взвешенность позиции автора и тактичность, проявленную ею при рассмотрении весьма острых вопросов, будь то негативные аспекты стереотипов взаимного восприятия и

причины их формирования или же обусловленные культурными различиями сложности жизни супругов в этнически смешанных семьях. При этом, однако, О.И. Брусиная всегда точно и полно выражает свою позицию и не стремится к замалчиванию неудобных фактов или к «сглаживанию острых углов». В качестве примера можно привести обоснованно критический анализ автором того, как русские старожилы неадекватно воспринимали процессы деградации Советской власти и постепенного распада государства накануне 1991 г. (с. 171). Точно так же и мне в Азербайджане неоднократно приходилось слышать от местных молокан (русских крестьян-старожилов), что обострение социально-экономических проблем в те годы якобы было вызвано укреплением позиций представителей коренного населения во всех органах власти, – как считали молокане, их традиционные обычаи и нормы поведения предполагают коррупцию и семейственность. То же самое можно сказать и о «гипертрофированной», согласно определению автора, оценке старожилыми вклада русских в развитие экономики республик и культуры коренных народов Средней Азии, что столь же явно проявлялось и в Восточном Закавказье (с. 175).

Заключение в книге О.И. Брусиной имеет самостоятельное значение и содержит в том числе некоторые выводы и обобщения, не повторяющие сказанного ею ранее. Не претендуя на сколько-нибудь полный пересказ этого сжатого написанного и содержательного раздела монографии, назову лишь несколько взаимосвязанных сюжетов. Так, автор выделяет три типа полиэтничных населенных пунктов советского периода: а) новые города и промышленные центры с отчасти непостоянным из-за постоянных миграций населением; б) исторически возникшие города со стабильным составом населения; в) сельские населенные пункты (с. 190). Но население в первых двух формировалось на основе добровольных миграций представителей разных народов, а последнем – искусственно, в результате прямого вмешательства властей, и потому именно там, в полиэтничных селах, возникали более выраженные трения и напряженность в межэтнических контактах.

Как реакция на созданный властью (внешней силой) этнически смешанный состав населения, в старожильческих селениях активизировались процессы «этнического структурирования» населения (с. 191–195), т.е. его частичного территориального и социального размежевания по этническим границам в виде формирования улиц или кварталов, колхозных бригад или иных производственных ячеек с преобладанием лиц одной национальности. Хотя такое размежевание никогда не становилось полным, оно все же означало попытку частичного возврата к изначальной и оказавшейся, судя по историческому опыту, оптимальной модели взаимодействия переселенцев и коренных жителей региона – тесным хозяйственным и личным контактам при раздельном поселении, отсутствии смешанных браков и соподчинения друг другу в рамках органов сельского самоуправления.

Одним из главных выводов исследования О.И. Брусиной является то, что именно вселение, иногда принудительное, представителей коренных народов Средней Азии в старожильческие села во время коллективизации и позже вызвало следующий эффект: «Потомки двух восточнославянских народов консолидировались в единую группу, и это произошло в значительной мере вследствие контактов с далеким по своим культурным нормам и традициям коренным азиатским населением: по сравнению с ним различия между русскими и украинцами казались несущественными. Это единство прочно закрепилось в сознании членов группы. В качестве этнических символов, кроме элементов сформировавшегося общего комплекса бытовой культуры – на основе и русских, и украинских компонентов, осознавались и закреплялись этнически нейтральные для большинства жителей России и Украины культурные особенности, приобретавшие этническую значимость исключительно благодаря их несхожести со среднеазиатскими» (с. 193–194).

Обращает на себя внимание также очень высокий уровень подготовки текста к печати – монография прекрасно иллюстрирована 26 фотографиями (с полной их характеристикой), на форзацах представлены карты региона на 1911 и 1984 г. (с отмеченными селами и городами, где проводились полевые исследования), библиография включает детальное описание использованных архивных, статистических и картографических материалов, похозяйственных книг и полевых тетрадей автора, есть и резюме на английском языке (с. 237 – 238). В книге опубликованы несколько интервью (с. 218–236), взятых у местных русских, украинцев и узбеков, так что читатель, наряду с мнением автора, может учесть и прямые, часто очень откровенные высказывания представителей описываемых групп населения по самым острым вопросам.

Как симпатичный штрих, ярко характеризующий монографию О.И. Брусиной и позволяющий косвенно судить о качестве содержащейся в ней основной этнографической информации, приведу следующее наблюдение – в разделе «Сокращения, использованные в книге» мне впервые удалось получить исчерпывающие сведения обо всей истории многократных переименований Института этнологии и антропологии РАН и журнала «Этнографическое обозрение» буквально с момента основания их самых

первых предшественников. По прочтении данной монографии не остается сомнений, что автор проявила столь же тщательный и детальный подход и при отборе и представлении основного корпуса сведений о русских старожилах Средней Азии и их соседях.

В заключение повторю, что книга О.И. Брусиной – удачный пример сочетания, казалось бы, несовместимых жанров. С одной стороны, это «классическая этнография», т. е. комплексное описание и анализ культуры локальной группы сельского населения русско-украинского происхождения в ее динамике на протяжении всего XX в. Но, с другой стороны, это одновременно исследование, выполненное на уровне и в соответствии с приоритетами современной науки. Поэтому автор акцентирует внимание как на социологических, экономических и психологических аспектах взаимодействия изучаемой группы с численно преобладающим коренным мусульманским населением региона на различных этапах драматической истории XX в., так и на отражении этих межэтнических контактов в самосознании членов изучаемой группы. Благодаря полноте и оригинальности самого этого исследования, а также вследствие практического исчезновения его объекта – русско-украинского старожильского сельского населения юга Средней Азии в ходе миграций 1990-х годов, рецензируемая монография О.И. Брусиной непременно займет свое достойное место в истории нашей науки.

А.Н. Ямсков